

Ершов Богдан Анатольевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается роль Русской Православной Церкви в социально-культурной и политической жизни губерний Центрального Черноземья в XIX - начале XX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 58-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 2:947.07/08(471.324)

В статье рассматривается роль Русской Православной Церкви в социально-культурной и политической жизни губерний Центрального Черноземья в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова и фразы: Церковь; духовенство; консистория; власть; священник.

Богдан Анатольевич Ершов, к.и.н.

Кафедра истории и политологии

Воронежский государственный технический университет

ershovbogdan@rambler.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.[©]

Русская Православная Церковь в XIX – начале XX вв. занимала важное и значимое место в жизни и истории русского народа. Священник Александр Борисов так охарактеризовал её влияние: «Именно Русская Православная Церковь, в каком бы состоянии она ни находилась, самым фактором своего существования является для подавляющего большинства нашего народа символом, знаком присутствия Бога в мире». В XIX веке оценка социальной роли и функций религии радикально изменилась. Она осмысливалась как вечный, непреходящий, исторически закономерный институт, который играл значительную роль в жизни человека, утверждая приоритет духовности над экономическими, социальными, эстетическими и иными ценностями, ориентациями и регуляторами. Это стало возможным благодаря коренным изменениям в стране, новым тенденциям в государственно-церковных отношениях.

Следовательно, роль Церкви стала преобладающей не только в социально-культурной, но и в политической жизни страны. В соответствии с этим логично было бы предположить, что Православная Церковь могла стать наиболее эффективным институтом трансляции христианской идеологии в сознание российских граждан [1, с. 103-127]. По мнению многих ученых и богословов, Русская Православная Церковь как социально-духовный институт способна была воспитать в человеке с помощью текстов Нового Завета качества, составляющие нравственную и духовную основу личности: милосердие, терпение, сострадание, любовь к людям, умение ставить себя на место других, скромность, честность, уважение интересов ближнего. Без полного представления картины взаимодействия Церкви как института и государства весьма сложно было бы дать объективную оценку тому или иному событию.

XIX – начало XX вв. – время активности не только в обществе, но и в среде духовенства. Надежды на церковные реформы, некоторые изменения общественного строя будоражили умы. В Кирсановском уезде Тамбовской губернии выразителем таких настроений был священник села Моршань-Лядовка Константин Богоявленский. В одной из своих статей он заявлял: «Я верю, что если из десятка написанных мною статей хоть одна добрая мысль ляжет в сердце читателя – то это уже великое дело». Он занимал вполне определенную политическую позицию: «Заветами должны быть православие, народность, единство Руси». Единство стало его главной темой. К этому он призывал и духовенство, предлагая конкретные меры: «Создадим же фронт “братских листков” для борьбы с анархией и непорядками, путем раздачи листков».

Общество по мере развития процессов урбанизации и модернизации раскалывалось на враждующие партии, поляризующиеся в социокультурных слоях, замкнувшихся на собственных корпоративных интересах. Модернизация среди священников отличалась наиболее стрессовым характером, новые условия хозяйствования, предпринимательства входили в противоречие с православной этикой, для защиты которой и было нужно духовенство. Яркой демонстрацией сказанному является пример, который приводил в 1909 году преосвященный Григорий, епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии о церкви в селе Арженка. «Церковь села Арженка, очень хорошая, в порядке; хор, содержащийся на средства фабриканта Асеева, достаточно талантлив. Народ в церкви вел себя шумно и малоблагообразно. Священник жаловался, что совсем не ходят в церковь люди, отвлекаемые работой на фабрике. Из беседы с фабрикантом Асеевым узнаем, что работы прекращаются в 6 часов утра в воскресенье и начинаются в 6 часов утра в понедельник. Я просил его отпустить народ в субботу в 5 часов вечера, но он не соглашался, находя это для себя убыточным и по закону не обязательным» [5, д. 2092, л. 21].

Наметившееся в XIX столетии церковное пробуждение заставило творческую интеллигенцию обратиться к поискам духовного образа, адекватного мироощущению эпохи. Стремительно меняющаяся духовная атмосфера (в т.ч. и под влиянием зарубежных контактов) впервые продемонстрировала величие силы общественного мнения, влияющего на позиции «верхов». Отмена крепостного права и гражданские свободы личности – главные темы циркулировавших тогда рукописей. Церковная тема начала возникла лишь спонтанно, в связи с другими проблемами, но постепенно веяния времени захватили и церковную среду. Именно общество стало генератором последующих реформаторских процессов в Церкви. Вначале, однако, церковные вопросы затрагивались чрезвычайно обобщенно, без конкретизации. Главное внимание тогдашних идеологов преобразований обращалось на гражданскую сферу, на кризис старой системы в целом.

Особое внимание верующих жителей губерний Центрального Черноземья было обращено на посещение церквей. 30 июня 1822 года жители слободы Осиповой Старобельского уезда обратились с прошением в Воронежскую духовную консисторию о назначении в их приход второго священника в связи с тем, что в слободе не хватает священников на две церкви. Священнику приходится долгое время добираться до церкви, которая именуется Покровской. Вторая же церковь расположена на окраине слободы и построена в честь Вознесения Господня. По справке Воронежской духовной консистории оказалось, что второе священническое место предоставлено и закреплено за Воронежским уездным духовным учителем Григорием Рудинским. Епархиальное начальство в губерниях Центрального Черноземья старалось своевременно производить ремонт старых церквей и поддерживать в них чистоту и порядок. В 1890 году епархиальное начальство в Воронежской губернии постановило, что ввиду ветхости многих церквей и церковно-общественных зданий составление проектов и необходимого контроля за работами разрешается без согласования с губернским правлением на основании статьи 213 устава Воронежской духовной консистории. Суть постановления состояла в обновлении во многих церквях Воронежской губернии иконостасов, обшивки зданий, в ремонте полов, кровли. В статье 322 устава Воронежской духовной консистории сообщалось, что школы, богадельни, церкви и другие учреждения имеют общественное значение. Поэтому надзор за ними весьма полезен [2, д. 1944, л. 17].

В церковном пробуждении губерний Центрального Черноземья участвовали и деятели искусства. Иван Николаевич Крамской занимался монументальной и религиозной живописью. В 1870 году по заказу С. П. Синельникова выполнил девять образов для Троицкой церкви Острогожского уезда Воронежской губернии. В Воронежской губернии были случаи награждения священнослужителей за добросовестное исполнение своих обязанностей. В 1835 году в Воронежскую духовную консисторию поступил рапорт от работников конского завода, которые единодушно свидетельствовали о честном и бескорыстном служении священника Успенской церкви Федора Климентова. В рапорте сказано, что Федор Климентов усердно выполнял духовные требы, несмотря на то, что завод находился далеко от церкви, всегда вовремя приезжал на богослужения. И поэтому работники конского завода ходатайствовали о награждении священника Федора Климентова установленным для духовенства знаком отличия. Воронежская духовная консистория постановила удовлетворить данное прошение и наградить священника за бескорыстное служение знаком отличия. Подписал рапорт протоиерей Василий Постник. Включенность православия в общественную жизнь стала одним из центральных достижений эпохи и расценивалась как залог повышения нравственной силы Церкви. Понимание Церкви стало включать в себя гармоническое единство клира и мирян с существенным акцентом на роль последних в широких рамках православного общества, при выделении наиболее активной его части – православной общественности. Расширялись пределы и формы социальной миссии духовенства – не только как соединителя разнородных частей «мира» в единое целое, но и как носителя христианской любви, источника доверия в обществе.

В 1880-е гг. в епархиальных городах России – Петербурге, Киеве, Казани – проходят совещания епархиальных архиереев отдельных регионов, на которых обсуждаются вопросы милосердия и сострадания к людям. 23 сентября 1906 года был составлен рапорт Воронежским губернским жандармским управлением о работе священника слободы Новой Меловатки Богучарского уезда Митрофана Авсеньева. Сказано, что, по полученным негласным путем сведениям, в слободе Новая Меловатка Богучарского уезда в Троицкой церкви священник Митрофан Авсеньев по окончании литургии говорил о праздновании дня святого Иоанна. Этот святой отличался, по словам священника, милосердием и состраданием к нуждающимся, помогал бедным людям деньгами и мудрым советом. В настоящее время многие люди нуждаются в помощи со стороны Церкви, и духовные пастыри должны им помочь. Но в этом случае и люди должны заботиться о чистоте души. Во время проповеди церковь была переполнена народом. Начальник губернского жандармского управления пояснял, что эта проповедь дала возможность объяснить простым людям меру греховности человека и меру добра, ведь особое внимание было обращено на проблемы милосердия и сострадания к людям. Об этом сообщено в Воронежскую духовную консисторию [3, д. 979, л. 8-9].

Проблема взаимодействия гражданских и церковных властей в губерниях Центрального Черноземья в XIX – начале XX вв. была связана с вопросами учета мнения и степени возможного вмешательства в принятие решений светскими и духовными властями в сферах взаимных интересов. В этом отношении основным деловым партнером уездной администрации со стороны церковной организации выступали благочинные приходских церквей, которые назначались по личному выбору архиереев из опытных, усердных и наиболее деятельных духовных лиц и обладали обширными правами надзора за всеми сторонами состояния церквей и духовенства своего округа. Как отмечалось, благочинные в уездном городе были «статусными фигурами» провинциальной жизни, входившими в число тех полутора десятков «номенклатурных» должностей, которые реально влияли на принятие решений в уезде. Хотя православие и было государственной религией, Церковь сохраняла определенную независимость: формально светские власти ничего не могли приказать даже рядовому священнослужителю.

В этой ситуации благочинные (прежде всего соборные и городские) оказывались посредниками между властными и церковными структурами и были ближайшей (порой весьма грозной) властью над священнослужителями. Отчеты благочинных сельских округов в основном включали сведения о состоянии храмов, составе и деятельности духовенства и его нравственном состоянии и материальном положении, содержали данные о религиозном образовании в земских и церковно-приходских школах на территории благочиния. Изучая отчеты, консистория обращала внимание, прежде всего, на отмеченные недочеты и оперативно принимала меры по их устранению. На благочинных возлагался духовный надзор как за духовенством, так и за мирянами. Механизм надзора сложился в первой половине XIX века, когда важная роль в этом на уездном уровне принадлежала духовным правлениям. Они выступали активными посредниками между приходским

духовенством, административной властью и вышестоящими церковными органами. В основе самой идеи во многом формального контроля за религиозной нравственностью лежала аксиома Николая I, что «лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце... и иметь своим основанием религию».

Народно-православные обычаи, связанные с важнейшими христианскими праздниками, также различались не только в соседних уездах, но и волостях. В губерниях Центрального Черноземья больше всего чтились иконы Божьей Матери (по степени «уважаемости» в уезде: Казанская, Смоленская, Боголюбивая, Скорбящая, Неопалимая Купина, Знамение). С иконами совершались многочисленные крестные ходы. Одной из почитаемых икон в Курской губернии была икона Курской Божьей Матери «Знамение». Император Александр I в ответ на прошение игумена Коренного монастыря Макария разрешил находиться чудотворной иконе Курской Божьей Матери «Знамение» в Коренной пустыни не две недели, а с девятой седмицы до 12 сентября – праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Эта икона на протяжении семи веков являлась и является покровительницей и заступницей Курской земли.

В середине XIX века (май 1852 года) Государственный Совет в Курской губернии принял решение о том, чтобы сделать дни крестного хода нерабочими. Традиция крестного хода, которая укреплялась веками, представляла собой хорошо отработанный порядок и церемониальную часть. После получения Курском статуса епархиально-административного центра (1833 год) значение этого обряда значительно возросло. Возведенный в ранг губернского праздника, крестный ход объединял курян, сближая светских чиновников, духовенство и простой люд. Кроме того, участие в крестных ходах губернаторов и духовенства придавало этому обряду особую торжественность и значимость [6, с. 127-131]. По воспоминаниям архиепископа Курского и Белгородского Серафима, накануне выноса чудотворной иконы, в четверг вечером, кроме архиерейского всенощного бдения в Знаменском соборе служилась еще и народная всенощная на особом помосте посредине Краевой площади. Начиналась она после восьми часов вечера и кончалась за полночь. Десятки тысяч лиц озарялись горящими во тьме свечами. Стоголосый хор разносил по округе священные песни. Звон монастырских колоколов подхватывали звонари всех курских церквей. И благодать опускалась на каждого, кто собрался на крестный ход из ближних и дальних губерний России [4, д. 355, л. 7].

По существу, в течение имперского периода русская история Церкви находилась в положении одного из государственных министерств – «ведомства православного исповедания». Император имел статус верховного защитника и хранителя догматов господствующей веры, блюстителя православия. В этом смысле закон именовал его главой Церкви и признавал право императора на управление ею. Двусмысленность этой правовой нормы была очевидна для многих современников и служила прочной основой для критиков православия и российской политической системы, называвших Православную Церковь казенной [7, с. 39-54]. На имя императора поступали проекты реформы Церкви, содержавшие самый широкий спектр предложений относительно изменения разных сторон ее жизни.

В результате духовенство имело реальное, достаточно независимое от государства сословное самоуправление, хотя оно и не основывалось на демократических выборах его органов снизу, со стороны рядовых монахов, священников и причетников, и осуществлялось под опекой государства и на бюрократических, точнее на полубюрократических, принципах, поскольку некоторые должности были выборными [8, с. 83-87].

Подводя итог, можно отметить, что в губерниях Центрального Черноземья фактически начиналась своя «оттепель», хотя и не столь ярко выраженная. Но при всех различиях цветов и оттенков складывалось общее мировоззрение, основанное на объединяющем стремлении возратить Церкви соответствующую высокую роль в обществе, пробудить нравственные силы духовенства, оживить религиозное сознание мирян.

Список литературы

1. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. 441 с.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-6. Оп. 1.
3. Там же. Ф. И-84. Оп. 1.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 20. Оп. 2.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 181. Оп. 1.
6. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: Тип. губ. правл., 1860. 363 с.
7. Сгибнева О. И. Живая память России: культурное наследие в системе взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви. М.: Агент, 1999. 205 с.
8. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М., 1973.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH RELATIONS WITH SOCIETY AND AUTHORITIES IN CENTRAL CHERNOZEM REGION PROVINCES IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Bogdan Anatol'evich Ershov, Ph. D. in History
Department of History and Political Science
Voronezh State Technical University
ershovbogdan@rambler.ru

The author considers Russian Orthodox Church role in social-cultural and political life of Central Chernozem region provinces in the XIXth – the beginning of the XXth centuries.

Key words and phrases: church; clergy; consistory; power; priest.